

Краткое содержание:

Гусу теперь принимает Слившуюся пару, и у Лань Цижэня много дел — как ни странно, именно на старшем племяннике сосредоточено его беспокойство. Хотя, не бойтесь, он всё же не может избежать разочарования такого человека, как Вэй Усянь.

Лань Цижэнь вернулся в Облачные Глубины, вспоминая разговор между Вэй Усянем и Баошань Санжэнь; мальчик сделал всё так, как он надеялся, использовал свой острый, как бритва, язык и пугающе точное представление о могущественной заклинательнице. Он также понял, что скрывается за её отчуждением и требовательностью, и нанёс ошеломляющий удар в самое сердце.

Лань Цижэнь почувствовал укол сочувствия к древней заклинательнице; она прожила так много лет, наблюдала, как столько людей приходило и уходило из её жизни, что он вообще не считал её человеком. В какой-то момент, рассуждал старейшина, прожив так долго, Бессмертная полностью отделилась от общества. А быть человеком означало иметь связи.

У Баошань Санжэнь было мало связей: её нынешние ученики жили на удалённой горе, а большинство из покинувших её учеников — мертвы, они давно стали жертвами времени. Для общества у неё никого не было.

Когда-то у неё были связи, Лань Цижэнь знал. И он видел, как эти всё ещё зияющие раны сегодня снова вяло кровоточат.

Её старшая сестра была частью Слияния, и её жестоко убили. Если он правильно понял, смерть сестры довела её партнёршу до безумия, и её ярость сожгла бы мир вокруг них, если бы в процессе не выжгла саму себя. Последней известной Сливающейся Парой были две молодые женщины, и ревность и гнев отвергнутого жениха одной из них привели к появлению Бесплодной Пустоши и гибели тысяч людей.

Лань Цижэнь предположил, что Баошань Санжэнь, должно быть, вернулась из поездки только для того, чтобы найти свой дом разрушенным, а тела старшей сестры и её партнёрши в центре пожара, нетронутыми бушующим огнём. Он едва мог представить себе пронзившую её в тот момент боль — неудивительно, что она отошла от мира.

Великий учитель вздохнул. Что ж, ничего не поделаешь, прошлое нельзя изменить, и, как прямо указал Вэй Усянь, нельзя пытаться заменить то, что было утеряно, заставляя настоящее соответствовать собственным чаяниям.

Теперь ничего нельзя было поделать, но он надеялся, что Бессмертная на какое-то время останется в городе Цайи; он хотел бы почерпнуть хоть немного из её знаний о Слившихся Парах.

Утомлёнными шагами Лань Цижэнь карабкался по каменным ступеням всё выше и выше к своему дому; он согласился позволить А-Юаню остаться с ним, пока для него не построят дополнительную комнату в доме Слившейся Пары. Ему не мешает немного мягкой невинности ребёнка рядом, чтобы смягчить резкость откровений прошлой свечи.

Его племянник и Вэй Усянь были в восторге от своего нового дома, и Лань Цижэнь очень тщательно сохранял выражение лица вежливым, а разум пустым — он прекрасно осознавал, что они замышляют, но он не позволил бы этому негоднику, которого так любил его племянник, получать удовольствие, смущая его. Хотя, взять А-Юаня на неделю или две, пока идёт капитальное строительство, не составило труда (отделка, возможно, займёт гораздо больше времени, но с прочными стенами, крепкой крышей и отполированными полами маленькому мальчику будет удобно в его собственных комнатах), было трудно не заметить обиженное выражение на лице Сичэня, возникавшее каждый раз, когда Ванцзи склонялся к Вэй Усяню со странной лёгкой улыбкой. Что ж, даже самому Лань Цижэню пришлось взять себя в руки, когда он уловил окончание комментария, который Вэй Усянь адресовал Ванцзи — учитель был достаточно сдержан, чтобы напрямую не обвинить его в нарушении правил.

Но этого было достаточно, чтобы убедить его забрать А-Юаня в свой дом, пока комната мальчика не будет завершена, и дать этим двоим... пространство делать то, что они хотели. Сичэнь послал ему глубоко благодарный взгляд, когда Лань Цижэнь поднял зевающего ребёнка на руки и объявил о своих намерениях.

Путь от главных ворот к его дому проходил через основные здания — он так и задумал, желая убедиться, что его не застанут врасплох. Путь его лежал мимо тропы, ведущей к частной территории Слившейся Пары, и хотя его чувства были достаточно обострены, чтобы почувствовать их Слияние всю дорогу сюда, они всё же звучали достаточно далеко, чтобы оставаться неким приглушённым ощущением.

Лань Цижэнь сознательно поместил их рядом с источником огромной природной силы — отчасти в надежде смягчить их хаотическое воздействие на окружающий мир. К тому же, понял он с самодовольной улыбкой, это означало, что Пара не могла случайно затопить Облачные Глубины своей силой. Он мысленно похвалил себя за дальновидность и прикрыл рот ладонью, скрывая зевоту, — сон, как он понял, сегодня подкрался к нему гораздо раньше обычного.

Великий учитель открыл дверь своего дома и усмехнулся, увидев, как А-Юань, подбоченившись, растянулся на одеялах и подушках, на которых он ранее его уложил. Лань Цижэнь знал, что детям нравится занимать как можно больше места вокруг себя. В то время как Сичэнь всегда спал аккуратно, Ванцзи провёл большую часть своего детства, стаскивая со своего брата одеяла посреди ночи и сваливая в кучу вокруг себя, пока Лань Цижэнь не уступил гневным требованиям старшего племянника и не выделил ему отдельное спальное место.

Лань Цижэнь убрал прядь волос с расслабленного лица мальчика и мягко улыбнулся. Это маленькое дитя захватило его в плен, и он знал, что был бессилен перед этим. Перед невинностью с горящими глазами, жадным любопытством и искренней привязанностью, что фонтанировали в маленьком и очаровательном мальчике, который объявил Ванцзи своим отцом. Который, без подсказки своих приёмных родителей, объявил его своим дедушкой (А-

Юань хихикнул, когда Лань Цижэнь спросил, велел ли папа Сянь называть его «дедушкой». «Нет, дедушка. Папа Сянь только сказал, что ты очень любишь правила. Папа Чжань сказал, что правила важны. А папа Сянь ещё больше посмеялся над этим. Тогда папа Чжань сказал, что ты его дядя, и я решил, что если ты дядя папы Чжаня, то ты можешь быть моим дедушкой!» Лань Цижэнь в руках мальчика был как мягкая глина, но ни о чём не жалел).

Будущее Ордена Лань, с удивлением понял он, однажды может оказаться в руках этого маленького ребёнка.

Почему-то он находил в этом некоторое утешение. Он переложил малыша поудобнее и с улыбкой прилёг рядом с ним.

А-Юань... Лань Юань, как будут скоро называть мальчика. Ему предстоит ещё больше взбудоражить Совет — в эти дни Лань Цижэнь находил себе развлечение в тех самых вещах, за которые ругал Вэй Усяня, — указывал на недостатки традиции и разжигал споры.

Порывы молодости не должны сдерживаться, и он слишком любил своих племянников, чтобы позволить старшим разрушить счастье Ванцзи.

Следующие несколько дней Лань Цижэнь провёл, продолжая воплощать свой план: организовывать церемонию помолвки своего племянника. И, независимо от количества или тона посланий, которые он получал от старейшин, он читал их, а затем сжигал.

Его племянник едва не погиб, вместе со своим партнером уничтожая древнее зло. Ванцзи отдал достаточно делу мира и заслужил право не подчиняться требованиям старейшин о более традиционном браке (или, точнее, с кем-то, кто не Вэй Усянь). Старейшины пытались устроить засаду на Ванцзи, но он никогда никуда не ходил без Вэй Усяня, а никто из них не хотел бросаться в костер нескрываемого презрения неукротимого демонического заклинателя.

Все они помнили его первый визит в Облачные Глубины несколько лет назад, и его жизнерадостное пренебрежение к их традициям, его бессистемные извинения и его откровенные расспросы на запретные темы произвели на них... глубокое впечатление. Повзрослевший, покрытый шрамами и более искушённый жизнью Вэй Усянь превратил это весёлое рассеянное безразличие к правилам Ордена Лань в откровенное раздражение, саркастическое закатывание глаз и протяжное пренебрежение всякий раз, когда он сталкивался с кем-то, кто был ему безразличен.

Некоторым правилам он уступал, но на остальные ему было наплевать — чернилами они были написаны или вырублены в камне. Он прятал бутылки с вином в тканевых мешках и проносил их в Облачные Глубины, свободно смеялся, постоянно улыбался, безжалостно дразнил своего партнёра и недостойно растягивался на его коленях всякий раз, когда он и Ванцзи наслаждались покоем природы. И хотя Лань Цижэнь вздрагивал каждый раз, когда встречал молодого человека, и ругательства вертелись у него на кончике языка, он никогда не видел Ванцзи таким умиротворённым с тех пор, как мальчик был слишком маленьким, чтобы понять окружающий его мир.

И, в целом, Вэй Усянь держал свои выходки в стенах их дома. Его яркая улыбка и хорошее настроение, как правило, поддерживали уставших членов Ордена Лань, когда он прибывал, чтобы помочь с процессом реконструкции, и, закатывая рукава, брался за более мелкие задачи, которые мог выполнить с его всё ещё восстанавливающимися силами. И Лань Цижэнь позволял ему поднимать настроение ученикам в течение нескольких свечей, потому что не мог отрицать, что, благодаря его участию, работа в целом продвигалась быстрее.

А-Юань проводил половину своего дня в доме приёмных родителей, а другую половину — на уроках с другими детьми Ордена Гусу Лань — он и близко не был таким громким и разрушительным, как его папа Сянь, но когда играл с остальными малышами, без колебаний поднимал уровень шума до неприемлемого уровня. Ему читали нотации (его надутые губы были огромными, а глаза — широко раскрытыми в растерянном удивлении), но при этом А-Юань старательно повторял правила, которые он нарушил.

Это не помешало ему завизжать от восторга, когда он обнаружил в Облачных Глубинах пруд с карпами, собрать вокруг себя одноклассников, чтобы показать им понравившуюся рыбу и рассказать им всё, что он узнал о карпах от своей тёти Яньли. Его учителя оплакивали его неспособность следовать правилам и жаловались Лань Цижэню.

— Великий учитель, мальчик только что прибыл, он слишком непослушный, чтобы посещать уроки, — убеждал его член Ордена Лань с простой лобной лентой на голове и чистой мантией, испорченной небольшими пятнами грязи. — Конечно, он может подождать ещё полгода.

Лань Цижэнь отложил свои отчёты, чтобы полностью посвятить себя просителю, и соорудил непонимающее лицо:

— О каком ребёнке идёт речь, учитель Ли?

Учитель услышал мягкое предупреждение в его голосе, но упрямо продолжил:

— Мальчик, Юань. Ему нужно привить больше дисциплины, прежде чем он сможет посещать уроки.

— Он не может понять материал? — спросил Лань Цижэнь, уже зная ответ; А-Юань с удовольствием демонстрировал новые выученные иероглифы каждый день после обеда, и легко заучивал новые формы и слова, которым учил его «дедушка Жэнь».

— Нет, гроссмейстер. Но он слишком громкий и мешает во время созерцания на открытом воздухе, и он не может вспомнить правила, которые должен заучить. — Учитель скрыл разочарование в голосе, но Лань Цижэнь всё равно это услышал.

Он знал, что А-Юань не сразу освоится в тихих и мирных Облачных Глубинах, но мальчик хорошо справлялся, особенно учитывая то, что он был крестьянским ребёнком, привыкшим бегать на свежем воздухе, и то, что одним из его родителей был Вэй Усянь.

— Он громкий и несговорчивый во время уроков?

Учитель покачал головой:

— Нет, не более беспокойный, чем другие маленькие дети в классе.

— Тогда ты, конечно же, справишься с волнениями на свежем воздухе, учитель Ли. Дети ещё маленькие, и если А-Юань не будет мешать во время уроков, со временем он научится надлежащей дисциплине.

Его небрежное отношение к тому, за что он не единожды применял суровое наказание, ошеломило учителя Ли.

— Великий учитель? — прошептал он с нерешительностью в тоне.

Лань Цижэнь благодушно сложил руки на животе:

— Дай детям немного повеселиться. Убедись, что они находятся вдали от главных зданий резиденции и никому не мешают, но дай им немного побегать. Возможно, они станут более сговорчивыми во время занятий, если ты позволишь им тратить свою энергию на управляемые упражнения и игры.

— Если... если Вы прикажете, великий учитель. - Господин Ли запнулся. — Мы... я найду подходящую поляну для таких... упражнений.

Старейшины, конечно, были этим недовольны. А Лань Цижэнь самодовольно заметил, что дети ведут себя гораздо лучше, когда могут немного побегать на улице, и они никому не мешают в Облачных Глубинах - учитель Ли нашёл подходящую поляну на приличном расстоянии от основных зданий резиденции.

* * *

Хотя внимание Лань Цижэня в последнее время было поделено между Слившейся Парой и противостоянием со старейшинами, он всё же не упустил того, что с его старшим племянником происходит что-то странное. Сичэнь всегда был спокойным, вежливым и дружелюбным человеком, часто улыбался и легко прощал, находя юмор там, где большинство в Ордене Лань видели нарушение правил.

Однако в последнее время он словно курсировал между отчаянием и восторгом — хандрил, расхаживая по резиденции серым облаком, а на следующий день сиял, как полуденное летнее солнце. Не сразу, но Лань Цижэнь сумел найти связь между состоянием старшего племянника и прибытием почты в Облачные Глубины. В те дни, когда Сичэнь ходил так, будто вес мира прижимал его к земле, он не получал писем. А вот в те дни, когда Сичэнь получал одно письмо или два, он так веселился, что у великого учителя возникало искушение отправить его в библиотеку и заставить раз сто переписать правила Ордена.

Воспользовавшись своим статусом, Лань Цижэнь остановил жителя города Цайи, на которого была возложена ответственность за доставку таких посланий в Облачные Глубины, и допросил его, но самое большее, что знал человек, это то, что приходили письма из Цинхэ и Юньмэна.

Возможно, Сичэнь подружился с какими-то заклинателями, пока был в отъезде, и очень скучал по своим друзьям — его старший племянник ценил дружбу превыше всего.

Но Лань Цижэнь знал, что за этим кроется нечто большее, и он нахмурился, пытаясь понять, в чём дело. Вскоре ему придётся загнать Сичэня в угол и всё прояснить — Орден Гусу Лань не мог позволить себе главу с такими непостоянными настроениями.

«А-Цин,

Твои письма делают меня счастливым — я скучаю по нашим разговорам, по нашим спорам за чашкой чая и играм в вэйци, в которые мы играли и доводили А-Чэна до безумия; у него не достаёт терпения для таких игр, не так ли? Тем не менее, он довольно очарователен, когда старается сдерживаться, и он сильно продвинулся в этом с тех пор, как мы впервые заставили его играть.

Как продвигается твоё исцеление? Ты не говорила об этом в своих недавних письмах и не отвечала на мои вопросы. Ты знаешь, что я не измеряю твою ценность твоими целительскими способностями, А-Цин. Я просто хочу узнать о твоём здоровье — я глубоко заинтересован в том, чтобы убедиться, что ты хорошо выздоравливаешь. Я уверен, что А-Чэн тоже тебя этим достаёт. Если ты ответишь нам обоим, нам не нужно будет устраивать против тебя заговор, чтобы выяснить всё у младшего господина Не — он расскажет нам вместо тебя, А-Цин. Пожалуйста, дай нам знать, как у тебя дела. Мы лишь хотим поддержать тебя.

Я рад, что твой брат хорошо устроился. Младший господин Не — очень хороший друг для него. Я полагаю, что Минцзюэ официально включил своего младшего брата в свою информационную сеть, и он сможет передавать тебе любые сообщения, если это потребует. Как продвигается его обучение? Ты упомянула, что он будет главным врачом Минцзюэ в том, что касается восстановления баланса его организма и сдерживания отклонения ци, которым известен его Орден. Хорошо ли он прогрессирует? Он был прекрасным целителем, пока мы оставались в Цинхэ, и я уверен, что под твоим руководством он совершенствуется семимильными шагами.

Что касается А-Юаня, то у него всё хорошо, и он вертит моим дядей как хочет — дядя стал намного спокойнее с тех пор, как мы вернулись, и, в целом, он гораздо более терпим к Вэй

Усяню. А-Юань начал посещать полуденные занятия с другими маленькими детьми в Облачных Глубинах, и его энергия сводит его учителя с ума — мой дядя приказал учителю предоставить детям свободу кричать, смеяться и бегать на улице во время Созерцания Природы. Я не думаю, что когда-либо видел старейшин более разъярёнными или растерянными, и мой дядя сидел с вежливым выражением лица, когда они требовали ответов. Он всё это время просматривал последний лист практики А-Юаня в иероглифах и отмахнулся от старейшин, не удосужившись ответить им. А-Цин, я начинаю думать, что твой племянник — волшебный дух.

Скоро мы снова увидимся — А-Чэн тоже с нетерпением ждёт церемонии, которая состоится всего через несколько недель. Я пошлю официальные приглашения, как только они будут написаны, а пока я делаю здесь соответствующие приготовления.

Твой Сичэнь».

«А-Чэн,

Я уверен, что со временем ты привыкнешь писать письма, хотя мне очень жаль, что я не могу быть рядом, чтобы посмотреть, как ты читаешь это — ты всегда так чудесно краснеешь, когда мы зовем тебя «А-Чэн». Я должен спросить деву Цзян, покраснел ли ты, читая моё письмо.

А-Цин не рассказала мне о своём исцелении, и я согласен с тобой, А-Чэн. Если она не сообщит нам об этом в следующем письме, я пошлю письмо младшему господину Не. Я уже предупредил её, что сделаю это, так что, надеюсь, мы скоро услышим новости.

У твоего брата здесь всё хорошо, и я знаю, это будет неожиданностью, но мой дядя построил для них отдельный дом достаточно далеко от основных зданий Облачных Глубин, чтобы они не могли вызвать слишком много хаоса, и это ограничивает количество раз, когда мой дядя должен взаимодействовать с Вэй Усянем. А-Юань объявил их своими папами, и полностью очаровал моего дядю, тот даже смягчил своё отношение к Вэй Усяню. Мой дядя пристраивает дополнительную комнату к их дому, чтобы А-Юань мог жить в ней, а пока он сам приютил мальчика.

Несмотря на твои опасения, старейшины держатся подальше от твоего брата — мой дядя сказал им, что не будет помогать в их крестовом походе против партнёра Ванцзи, и он на самом деле делает очень много, чтобы ускорить церемонию. Он сказал мне, что скоро назначит дату. Я пришлю официальное приглашение, как только дата будет озвучена, но думаю, что это произойдет через несколько недель. Старейшины в панике пытаются найти способ отсрочить церемонию, но пока им это не удаётся. А с моим возвращением в Облачные Глубины они также должны получить и моё одобрение, которого я не дам.

Я с нетерпением жду их реакции, когда после церемонии передам управление Ванцзи, и мне не терпится увидеть Юньмэн в цвету — твои истории о цветах лотоса захватили моё воображение.

Я с нетерпением жду нашего воссоединения, А-Чэн. Стало одиноко без твоих резких

замечаний и тихой задумчивости. Я скучаю по тебе и А-Цин — никто здесь и вполнину не так интересен, кроме твоего брата, а на него я насмотрелся по дороге в Гусу более чем достаточно.

Твой Сичэнь».

* * *

Лань Чжань в полной мере пользуется уединением их нового дома; Вэй Ин громко протестует, но каждый раз, когда он говорит: «Лань Чжань, я не могу, Лань Чжань остановись!» — в глубинах их Слияния эти словесные протесты полностью разрушаются мысленными просьбами: «Лань Чжань возьми меня здесь, пожалуйста, Лань Чжань возьми меня всего прямо сейчас. Боги, Лань Чжань, мне нужно, чтобы ты немедленно был во мне!»

И он берёт своего возлюбленного столько раз, сколько они могут выдержать, иногда больше, чем, кажется, способно выдержать тело Вэй Ина — не раз он доводит своего партнёра до предела, и даже несмотря на то, что Вэй Ин мягкий, податливый и не способен даже думать о том, чтобы кончить снова, он умоляет и стонет через их Слияние, требуя большего — требует, чтобы Лань Чжань взял его, несмотря на его почти болезненную чувствительность.

И их Слияние помогает убедить Лань Чжана в его искренности — независимо от того, сколько просьб срывается с его губ, Лань Ванци знает, не переборщил ли его партнёр и может ли он продолжать брать его на той поверхности, на которой Вэй Ин соблазнил его заняться сексом. Он привык хранить масла в маленьких баночках по всему их дому, и Вэй Ин, который никогда особо не заботился о маслах во время своих игр с собой, влюбился в некоторые из составов — Лань Чжань задаётся вопросом, сможет ли он найти способы использовать масла, чтобы дать его любовнику больше того почти болезненного края, которого он так отчаянно искал в сексе.

После той первой ночи, когда Лань Чжань замер от простого намёка на причинение ему боли, Вэй Ин знает, что он никогда не заставит Лань Чжана действительно причинить ему боль во время секса, и принимает это; Лань Чжань был более чем готов найти другие способы скрутить его тело в узлы, и он ещё не устал от этого, и эти масла действительно были потрясающими. А секс, ну, Вэй Усянь сомневался, что когда-либо будет получать от чего-либо ещё такое же сильное удовольствие, как от того, как Лань Чжань прижимает его к стене (или к столу, или к кровати, или к полу) и берёт его до тех пор, пока разум не опустеет, а каждый нерв не загорится от перевозбуждения. Или связывает ему руки за спиной и заставляет (позволяет ему) ездить на нём, пока Вэй Ин не плачет от удовольствия — красивые руки Лань Чжана с длинными пальцами обвивают его талию для устойчивости и опоры.

Однако большую часть дня им приходилось останавливаться. Между А-Юанем, желающим пообедать со своими папой Ином и папой Чжанем и несколькими дюжинами рабочих на их территории, которые расширяют дом — А-Юаню предстояло получить свою собственную комнату — они перенесли свои развлечения на ночные часы.

Поскольку А-Юань вскоре должен начать спать в том же доме (хотя и на значительном расстоянии от их комнаты), Лань Чжань нашёл новый способ повысить удовольствие Вэй Ина

— заставить его замолчать, любыми способами. Кляп, язык, дерзкий вызов, — это стало своего рода игрой для них двоих. Для Вэй Ина это было настоящим испытанием, и он учился извиваясь в мучительном блаженстве кричать в их Слиянии, в ревушем наслаждении их душ произнося слова, настолько полные похоти и обещаний, что Лань Чжань выбивал дыхание из его тела до тех пор, пока они падали вместе — именно так, как и задумывал Вэй Ин, каждый раз.

* * *

Они не заполняли всё свое время сексом (хотя это конкретное занятие занимало значительную его часть). Оба они хотели вернуться к физической форме, к которой они были более привычны, и им совершенно очевидно нужно было продолжать контролировать свою силу.

В центре отведённой им территории они... сделали некое преобразование, за неимением лучшего термина. Хотя оно и близко не было таким обширным, как созданный ими лес, и не таким большим, как лабиринт, который они оставили в Цинхэ, это не было помехой.

Небольшую поляну, которая должна была быть гостеприимной лужайкой с деревьями, цветами и, возможно, небольшим прудом с рыбами в углу, они превратили в небольшое озеро, выходящее за простые стены, построенные для обозначения границ их частной жизни. По мнению Вэй Усяня, его вряд ли можно было бы назвать озером, если только не принимать во внимание пространство, которое оно сейчас занимало.

Озеро почти достигало леса, а его берега были выложены крепкими камнями, чтобы сохранить форму и обозначить всю округность. Элегантная каменная дорожка вела к маленькому островку посередине — едва достаточному для небольшого павильона (если они захотят его построить) и усеянному цветами.

Лань Цижэнь был лишь слегка возмущён появлением озера — его больше раздражало то, что пришлось восстанавливать стену, которую они непреднамеренно разрушили в процессе (они не рассказали подробностей о том, как они создавали миниатюрное озеро, а Лань Цижэнь не спрашивал).

Однако этот несчастный случай на самом деле оказался благом. Остров стал для Пары идеальным местом для медитации. Даже когда они активно распространяли в унисон силу по своим меридианам и концентрировались на расширении своего контроля, их лабиринты Слияния никогда не выходили за пределы половины пути к берегу и становились очень красивыми украшениями, когда они начали работать над более тонкими аспектами своего контроля.

И хотя они стали лучше справляться со своей энергией, непонятное слияние духовной энергии и энергии обиды не было чем-то, с чем кто-либо сталкивался ранее, поэтому они в основном разбирались с этим сами (исследователь Ли регулярно присылал им письма с вопросами, когда ситуация в Ордене Ланьлин Цзинь немного утряслась).

Неожиданно помощь пришла в виде письма от Баошань Санжэнь через две недели после того, как они с ней познакомились.

Вэй Усянь открыл её послание во время обеда, рассеянно поглощая свой суп. Он просмотрел содержимое и, промычав что-то неразборчивое, нахмурился, покачал головой, а затем закатил глаза с лёгкой улыбкой и отложил письмо в сторону.

Лань Ванцзи тем временем обучающий А-Юаня правильно пользоваться палочками для еды, мягко улыбнулся.

— Поблагодари её, Вэй Ин, — обратился он к своему партнёру. — Это было очень полезно.

— Я благодарю. - Вэй Усянь помахал ложкой в воздухе, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. — Я напишу ей завтра.

Лань Цижэнь фыркнул.

— Вы двое не можете вести такие наполовину молчаливые и наполовину вербальные разговоры о важной информации, как эта, — язвительно проговорил он. — Что тебе написала великая заклинательница?

Слегка удивлённый Вэй Усянь косо посмотрел на учителя и криво усмехнулся.

— Ах, да. Извините, учитель. Иногда я забываюсь. Баошань Санжэнь предложила прислать нам несколько книг, посвященных совершенствованию Слияния, которые есть в её коллекции. Она собрала большинство рассказов из первых рук о Слиянии и неразлучных парах, вот почему в мире совершенствования их так мало. Она также попросила нас следить за выходом энергии и работать над её плавным, циклическим обращением. - Демонический заклинатель улыбнулся, зачерпнув остатки супа, а потом схватил палочки и стащил пельмень с тарелки Лань Ванцзи. — Она не уверена, насколько хорошо мы когда-либо сможем контролировать нашу силу, но она также пошлёт нам некоторые из старых практик медитаций, которые в наши дни вышли из моды.

— Это действительно очень поможет. Она сказала, когда прийдёт их? — настаивал Лань Цижэнь, намеренно игнорируя пренебрежение Вэй Усяня обеденным этикетом.

Ответил ему Лань Ванцзи:

— Она прийдёт к нам, как только вернётся домой, на гору. — Он тихонько усмехнулся над тем, как забавно сын держит палочку для еды. - Как кисточка, А-Юань. Аккуратно, — поправил он.

— Они странные, папа Чжань. И это сложно. - Малыш фыркнул и уставился на свой ещё не

съеденный пельмень. — Руками легче.

— Да, но ты должен научиться. Не всё можно есть руками, — наставительно проговорил Лань Ванцзи.

— Если я их потом помою, то можно, — угрюмо заметил А-Юань.

Вэй Усянь наклонился, чтобы украсть ещё один пельмень, и ухмыльнулся возмущению А-Юаня.

— Легче красть еду палочками, — сообщил он маленькому мальчику с озорством в глазах.

Лань Ванцзи вздохнул.

— Много вещей проще делать палочками, — терпеливо поправил он партнёра.

— Но это тяжело, папа Чжань, и у меня болят пальцы.

— Если палочки для еды для тебя слишком трудная задача, возможно, меч и вовсе станет задачей непосильной, — задумчиво произнёс Усянь, поедая украденный пельмень, и склонил голову к плечу. — Возможно, нам придётся изменить твои планы насчёт мечей, А-Юань, если палочки это слишком трудно.

Глаза А-Юаня расширились от ужаса.

— Я могу научиться есть палочками, папа Ин! — запротестовал он. — Я смогу! — Он схватил брошенную детскую посуду и с предельно сосредоточенным лицом предпринял новую попытку.

Вэй Усянь спрятал свою яркую ухмылку за рукавом мантии.

Сидя в сторонке, Лань Цижэнь наблюдал за разыгрывающейся домашней сценой, прикусив язык — маленький мальчик постоянно отказывался пользоваться палочками для еды, жалуясь с упрямым раздражением каждый раз, когда его пытались заставить. Часть его была в отчаянии из-за того, что ребёнок не освоил этот навык до того, как начал учёбу должным образом.

Но с помощью простой и малоиспользуемой (по крайней мере, в Гусу) тактики Вэй Усянь дал А-Юаню более конкретную цель для освоения палочек для еды — мечи. Ребёнок так отчаянно хотел научиться владеть мечом, что смотрел со стороны на практику старших учеников широко раскрытыми жадными глазами, иногда имитируя движения с детской решимостью. И Вэй Усянь был прав — если А-Юань не удосужился освоить такой фундаментальный навык, как использование палочек для еды, мечи могли стать для него не лучшим путем.

Теперь, однако, двухнедельная битва с почти пятилетним мальчиком из-за того, что он отказывался использовать палочки для еды, подошла к концу — теперь он взялся за проблему с той же решимостью, что и в отношении написания иероглифов.

С некоторой неохотой Лань Цижэнь одобрительно кивнул Вэй Усяню, прежде чем перейти к новой теме.

— Мы будем следить за письмами, которые она присылает. Кроме того, я назначил дату церемонии. Через три недели, шестого числа. Отправьте ваши личные приглашения вместе с официальными, которые вы получите сегодня днём. Их будет немного, учитывая временные рамки, но вам двоим всё равно придётся попотеть. — Он поднял бровь, словно ожидая, что кто-то из них не согласится.

— Всё будет хорошо, дядя, — заверил его Лань Ванцзи, наблюдая, как сын возится с палочками, пытаясь подцепитьпельмень — неуклюже, но успешно. — Хорошо, А-Юань. Продолжай тренироваться.

Ребёнок, тяжело вздохнул и кивнул — ведь он так сильно хотел научиться владеть мечом.

— Не будь таким мрачным, А-Юань, есть несколько забавных игр, в которые можно поиграть, чтобы улучшить этот навык, — сказал Вэй Усянь, перегнувшись через плечо Лань Ванцзи, чтобы подбодрить грустного маленького мальчика. — Мы можем поиграть сегодня вечером перед тем, как ты ляжешь спать.

— Правда, папа Ин? Поиграть для тренировки?

Вэй Усянь, всегда склонный к драматизму, наклонился чуть больше, почти заваливаясь на плечо возлюбленного, и прошептал: — Я знаю все лучшие игры с палочками для еды, А-Юань!

Ребёнок засветился от счастья — он любил игры.

Лань Цижэнь нахмурился, но, в конце концов, просто вздохнул — во многих отношениях А-Юань был идеально воспитанным маленьким мальчиком. Если в этих играх А-Юань будет использовать свои палочки для еды, как подобает его возрасту, он притворится, что дом Слившейся Пары находится за пределами Облачных Глубин и, следовательно, вне действий правил Ордена. В любом случае, он поступал так большинство ночей.

В тот же день, когда солнце начало медленно садиться, Лань Цижэнь разыскал своего старшего племянника, чтобы передать ему стопку приглашений для отправки.

Сичэня не было там, где он ожидал его увидеть, а именно в его комнатах, где он обычно просматривал отчёты. Вместо этого он обнаружил главу Ордена, медитирующим возле одного из недавно отреставрированных прудов, на его лице светилась мягкая грустная улыбка.

Что вообще происходит с его племянником?

Хотя Лань Цижэнь и не хотел беспокоить молодого человека, он всё-таки вышел на поляну с достаточным шумом, чтобы сообщить о своём присутствии и отвлечь Сичэня от медитации, и кивнул в ответ на его любопытный взгляд.

— Приглашения, Сичэнь. Дата через три недели, шестого числа. Старейшины всё ещё пытаются найти способ остановить церемонию, но, поскольку они так и не заявили ко мне с действительным серьёзными претензиями, с этого дня они больше не могут вмешиваться. — Лань Цижэнь протянул старшему племяннику небольшую пачку писем, написанных изящным каллиграфическим почерком. — Отправь их в основные Ордены и кланы, но убедитесь, что они знают, что присутствие не обязательно. Из-за короткого срока до церемонии многие просто не успеют прийти.

Что-то из сказанного им заставило лицо его племянника вспыхнуть от радости, полностью стерев меланхолию.

— Сейчас, дядя. Их отошлют до наступления вечера. — Глаза Сичэня светились счастьем, и это только усилило подозрения Лань Цижэня. — С Вашего позволения, я займусь этим сейчас же. — Он собрался встать, но остановился, заметив тревогу в глаза дяди. — Какие-то проблемы?

— Ты в порядке, Сичэнь? — спросил Лань Цижэнь с искренним беспокойством.

— Да, дядя. Со мной всё хорошо.

И великий учитель ясно видел честность старшего племянника на его обычно спокойном лице.

— Я обеспокоен, Сичэнь. — Лань Цижэнь вздохнул. — С тех пор, как ты вернулся, ты был странно... счастлив в один день и уныло печален на следующий.

Сичэнь выглядел слегка виноватым:

— Я... я не знал, что был таким очевидным. Прошу прощения за свою оплошность.

— Это не... Просто ты можешь сказать мне, Сичэнь. Если тебя что-то беспокоит.

— Я скажу, дядя. Я обязательно скажу. — Сичэнь улыбнулся ему, обнадеживающе и нежно. — А сейчас я должен приступить к работе до наступления ночи — три недели, в конце концов, не так уж и много. — С этими словами он встал и поклонился, прежде чем почти бегом покинуть пруд.

Лань Цижэнь вздохнул. Проблема с одним племянником была почти решена, осталась ещё

одна, сухо подумал он про себя. Он мог только надеяться, что, взрослея, А-Юань не доставит им столько же хлопот.

<http://bllate.org/book/13203/1177382>